

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

XVIII

ВЕКА

Хрестоматия

Том 1

Составители

Б. И. Пуришев, Б. И. Колесников, Я. Н. Засурский

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Б. И. ПУРИШЕВА

Издание второе,
исправленное и дополненное

Допущено

Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности
«Русский язык и литература»

(В)

Москва
«Высшая школа»
1988

Сэмюэль РИЧАРДСОН

(Samuel Richardson)

(1689—1761)

Родился в Девоне, в семье плотника. Еще в детстве поступил учеником в одну из лондонских типографий, затем был подмастерьем и мастером. Женившись на дочери своего хозяина, Ричардсон после смерти тестя стал владельцем типографии, состоятельным и преуспевающим буржуа. К писательской деятельности Ричардсон обратился случайно: по просьбе одного издателя он взялся составить сборник писем правоучительного содержания. Успех сборника у публики побудил Ричардсона обратиться к творчеству.

Так родился его первый роман «Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740). Затем появился роман «Кларисса, или История молодой леди» (1748) и «История эра Чарльза Грандисона» (1754). Романы эти принесли их автору всемирную известность и славу. Лучший роман Ричардсона «Кларисса, или История молодой леди» пользовался успехом еще в начале XIX в.

Памела, или Вознагражденная добродетель

(«Pamela, or Virtue Rewarded», 1740)

Памела — своим родителям

Среда, утро.

Мой господин послал ко мне слугу с известием о том, что, чувствуя себя много лучше, он намерен после завтрака выехать в коляске на прогулку и желает, чтобы я его сопровождала. Надеюсь, я сумею вести себя с должным смирением, подобающим его схождению и милости. <...>

Он с каждым часом становится все добрее ко мне и, хвала богу, здоровье к нему возвратилось! Сколь мило вспоминает он о своем вчерашнем поступке. Благодарю тебя, создатель!

Он встал, приблизился ко мне, взял меня за руку, усадил подле себя и спросил: «Душа моя, ты, кажется, хочешь мне что-то сказать, говори же». «Сударь, — отвечала я в смущении, мне думается, что для меня будет слишком большой честью выезжать с вами в одном экипаже». «Нет, моя дорогая Памела, — возразил он, — удовольствие находиться в твоем обществе намного выше той чести, которую я могу оказать тебе. Не будем об этом больше говорить».

«Но, сударь, — сказала я, — не будет ли смущать вас мой наряд?» «Ты могла бы оказать честь самому принцу, моя прелесть», — возразил добрый, милый господин мой. — В этом или в любом наряде, который тебе по вкусу, ты так хороша, что если бы я не опасался, что ты простынешь в этом легком чепце, я попросил бы тебя ехать, не переодеваясь». «Сударь, — сказала я, — в таком случае вы, наверное, пожелаете прокатиться по тихим аллеям, чтобы люди не видели, как много чести вы оказываете своей бедной служанке». «О, мое дорогое дитя, — сказал он, — я не сомневаюсь, что ты думаешь больше обо мне, чем о себе, опасаясь злых языков. Я надеюсь понемногу умерить злоречие света и научить его оказывать подобающее уважение моей Памеле».

О, мой дорогой возлюбленный! Подумайте только, дорогие батюшка и матушка, разве плохо я поступила, вернувшись к нему?..

Итак, исполненная радости, поднялась я к себе наверх за перчатками. И сейчас я пишу вам, ожидая его приказаний. Мой дорогой господин, сказала я себе, как бы обращаясь к моему возлюбленному, бога ради, не подвергайте меня больше

испытаниям и не терзайте моего сердца, ибо я чувствую, что не смогу этого больше вынести.

Наконец, пришло приятное известие, что господин мой готов и ожидает меня. Я проворно сбежала вниз, и он на глазах всей прислуги подсадил меня в карету, как если бы я была знатной дамой, а затем сел сам. Миссис Джюкс умоляла его поберечься простуды, ибо он только что оправился от болезни. И я почувствовала гордость, услыхав, как новый кучер сказал, обращаясь к одному из слуг: «Клянусь честью, они славная парочка! Жаль будет, если им придется расстаться». Дорогие мои папенька и маменька, боюсь, что дочка ваша совсем загордится! Вы сами убедитесь, что есть причины этого опасаться, когда прочтете о столь лестных для меня событиях, кои я собираюсь вам поведать.

Он распорядился, чтобы обед был готов к двум часам: Абрагам¹, который служит теперь на месте Джона², стал на запятки. Мой господин велел Робину³ ехать потихоньку, а мне сказал, что намерен поговорить со мной о своей сестре Дейверс⁴, а также о многом другом. Не успела карета тронуться, как он принял меня целовать и, признаюсь, целовал слишком пылко и часто. Я боялась, что Робин, оглянувшись, увидит нас сквозь переднее стекло кареты, а также опасалась, что на нас будут смотреть прохожие. Но он был необычайно нежен ко мне, и слова его были так добры. Наконец он сказал:

«Ты, без сомнения, не раз читала и перечитывала дерзкое письмо моей сестры и убедилась в правоте моих слов о том, что ты не более моего обязана ей послушанием. Ты видишь — она дает понять, что кое с кем говорила, и с кем же, как не с этой угодницей миссис Джервис, с этим мистером Лонгманом и Джонатаном!»¹⁵ И это-то и заставило меня принять крутые меры и отказать им от места. Я вижу, что ты намерена вступиться за них; но не настало еще то время, когда тебе будет позволено вмешиваться в мои распоряжения, если я когда-либо и дам тебе такое право».

«Я предупредил намерения моей сестры, — продолжал он, — ибо я отрекся от нее. Я полагаю, что поступил с ней как добрый брат, когда, вступив в права наследства, я выделил ей состояние, на 3000 фунтов превышающее ее долю, определенную в завещании отца. Сестра моя, несомненно, была вне себя от гнева и бешенства, когда писала свое письмо, ибо она должна была знать, что я ей подобного письма не прощу. Так знай же, Памела, что она совсем потеряла разум от досады и что я не желаю слушать ее советов — ее, дочери моего отца, которая, несмотря на все преимущества своего звания, ни своими достоинствами, ни умом, ни знаниями не сравнится с моей Памелой. Все же, дитя мое, я должен в

защиту ее напомнить тебе о гордости, подобающей нашему званию, о том уважении, которое мы питаем к приговору света, и я признаюсь, что все это имеет еще некоторую власть даже надо мной. В отличие от мужчины, женщина, не принимает столь широкого участия в жизни общества, оно не видит ее достоинств и совершенств: если бы было иначе, то самые суровые судьи оправдали бы мой выбор. Но свет будет судить по-другому: вот Мистер Б., — скажут они, — обладатель такого-то состояния, взял себе в жены служанку своей матери, и никто не помыслит о том, что во всем королевстве не сыщется дворянки, которая превзошла бы тебя своими достоинствами и сумела бы лучше поддержать честь имени, которое ты будешь носить». И тут, вновь заключив меня в объятия и осыпая поцелуями, он добавил: «Мне жаль мою любимую, которой немало еще предстоит претерпеть от злоречья света и немало приложить усилий, чтобы победить спесь и надменность наших соседей-помещиков. Сестра Дейверс никогда не согласится тебя признать. И с тобой, обладающей столь несравненными достоинствами, они будут обращаться, как с не заслуживающей их почтения. Женись я сегодня на моей возлюбленной Памеле, каково-то ей, бедняжке, придется! Не будут ли их поступки ранить душу моей любимой? Что до меня, то, являясь обладателем больших поместий и состояний, я могу легко пренебречь моей былой дружбой с товарищами по охоте, играми и балами и не оскорбляться их грубыми шутками, ибо, поверь мне, мое богатство всегда заставит относиться ко мне с подобающим уважением. Но какова-то будет участь моей бедной возлюбленной, когда ей придется встретиться с представительницами ее пола? Ведь ты не можешь жить совсем без общества. Мое положение не позволит тебе вести дружбу с прислугой, а дворянки будут всячески избегать тебя, и пусть ты моя супруга — они станут обращаться с тобой так, как если бы ты оставалась служанкой моей матери. Что скажет на этом моя милая?»

Вы легко вообразите себе, мои дорогие папенька и маменька, каким восторгом исполнилась моя душа при этих добрых, великодушных и снисходительных словах. Мне чудилось, будто я слышу небесную музыку, и каждое слово, слетающее с его уст, было мне слаше меда Гиблы⁶. «О, сударь, — воскликнула я, — как вы невыразимо добры и любезны! Вашей бедной служанке предстоят еще более грозные испытания, еще более тяжкие заботы».

«О чём ты говоришь? — вскричал он нескользко нетерпеливо. — Сейчас я не прошу тебе сомнений». «Нет, сударь, — возразила я, — у меня нет сомнений; моя единственная забота — как стать достойной вашей доброты, чем заслужить ее». «Любовь моя! — воскликнул он и прижал меня к своей груди.

Я боялся, что ты хочешь меня снова рассердить. Но мне не придется сердиться,— я вижу, что у тебя благородное сердце и что кротость и незлобивость твоей души не смогли бы убить даже то жестокое обращение, которому ты подвергалась в моем доме (а между тем оно могло бы породить в тебе даже ненависть); все это укрепило меня в решимостистерпеть от тебя что угодно, кроме сомнений в честности моих намерений, в то время как я изливаю перед тобой мою душу с чистым и преданным пылом».

«Мой добрый господин,— отвечала я,— меня больше всего тревожит мысль о тех грубых шутках, кои вам придется выслушать за то, что вы избрали недостойную вас супругу. Что же до меня, то при моем скромном звании и малых достоинствах даже пренебрежение и хулу дворянок я буду почитать за честь; я с гордостью отнесу добрую половину их недоброжелательства ко мне за счет зависти моему счастью. И если я смогу угодить вам, радостно выполняя свой долг и оказывая вам беспрекословное повиновение, я почту себя бесконечно счастливой, и толки света не будут меня смущать».

«Ты очень добра, мое дорогое дитя,— сказал он,— но как ты будешь распоряжаться своим временем, если тебе не придется ни принимать гостей, ни самой посещать дома наших соседей? Твое время не будет занято участием в увеселительных прогулках, твои вечера не будут заполнены игрой в карты, а ведь у нас картам нередко посвящают большую часть дня зимой и летом. Между тем тебе частенько случалось играть с моей матерью, и это занятие тебе знакомо, так же как и другие светские развлечения. И уверяю тебя, моя радость, я не хочу, чтобы ты была лишена тех удовольствий, на которые могла бы рассчитывать моя супруга, женившись я на знатной дворянке».

«Ах, сударь,— воскликнула я,— вы сама доброта! Чем я это заслужила! Но неужели вы полагаете, что в доме, подобном вашему, особы, которую вы почетете именем его хозяйки, не найдет употребления своего времени, не прибегая к помощи посторонних?

Прежде всего, сударь, если вы позволите мне, я возьму на себя те обязанности по хозяйству, кои не унизиат того высокого звания, которым вы меня почтите, и я надеюсь, что своим вмешательством я не вызову неудовольствия ваших честных слуг.

Помимо того, сударь, я избавлю вас, насколько это будет в моих силах, от записи расходов по хозяйству, когда сумею убедить вас в том, что на меня можно положиться; вам известно, сударь, что ваша мать, моя покойная госпожа, сделала меня своим казначеем, что она доверяла мне раздавать милостыню, а также вести все ее счета.

Затем, сударь, ежели мне придется выезжать или принимать у себя, и дамы не захотят почтить меня своими частыми посещениями, или даже если они будут изредка наведываться, я стану, испросив на то ваше согласие, навещать наших бедных соседей и облегчать хоть немного их нужды и тяготы, так, чтобы это не было обременительным для вашего состояния, а для них послужило подспорьем, и они благословят вас и будут молить бога о вашем здоровье и благополучии.

Затем буду, как мне случалось делать и раньше у моей покойной госпожи, помогать вашей домоуправительнице варить варенье, конфеты, сладости, пастилу, составлять декокты⁷, приготовлять маринады, соления, засахаренные фрукты для вашего стола, а также шить белье для вас и для себя.

Затем, сударь, когда вам вздумается почтить меня своим обществом, вы возьмете меня с собой на прогулку в вашем экипаже; когда же вы возвратитесь домой после различных увеселений, игр или охоты, я буду иметь счастье встречать вас с радостным приветом, как подобает вашей преданной супруге; а в ваше отсутствие я стану считать минуты до вашего возвращения, и, быть может, вы иногда заполните часть моего дня, подарив мне драгоценные часы беседы с вами, и снисходительно выслушаете смелые излияния моего сердца, преисполненного благодарности за всю вашу доброту ко мне.

Завтрак, приготовления к обеду, ужины, прием ваших избранных друзей и всех, кого вы пожелаете привести с собой к обеду, будь то дамы или одни мужчины, заполнят большую часть моего дня полезными занятиями.

И, может быть, сударь, изредка какая-нибудь добросердечная дама посетит меня, и, я надеюсь, что в случае подобного посещения я сумею так вести себя, чтобы не усугубить нареканий, высказанных вашим поступком; и я постараюсь быть столь осмотрительной и скромной, сколь будет в моих силах, и столь смиренной, сколь совместно с вашим высоким званием.

Правда, я умею играть в карты, а также в иные игры, в которых находят удовольствие женщины, но я не привержена к этим развлечениям, и если когда-нибудь стану играть, то лишь для того, чтобы побудить тех дам, коих вы пожелаете у себя видеть, не покидать ваш дом за отсутствием привычных им развлечений.

Музыка, которой обучила меня добрая моя госпожа, заполнит часть моего свободного времени, если оно у меня останется.

И затем, сударь, вам известно, как я люблю чтение и письмо; конечно, последнее будет посвящено одним лишь счетам и распоряжениям по хозяйству, переписке с вами и с управляющим; чтение же в свободные часы будет для меня удовольствием, которое я не променяю на самое блестящее

общество, за исключением вашего. Ах, сударь, оно поможет мне усовершенствовать мой ум и сделает меня более достойной вашего внимания и вашей беседы. А если вы пожелаете объяснить мне то, чего я не пойму в книгах, чтение станет для меня не только источником знаний, но и приятнейшим времяпрепровождением.

И еще одного я не должна забывать, сударь, ибо это важнее всего: мой долг перед богом всегда будет занимать главное место в моих обязанностях, и я стану возносить благодарность богу за его величайшую милость ко мне, молиться за вас и за себя, призывать его благословение на вас, сударь, за великую честь, оказанную вами его недостойному созданию, и просить его ниспослать мне силы исполнить мой долг перед вами; я буду молить его помочь мне выразить мою благодарность за все то счастье, которое ниспоспало мне пророчество, вручив меня вашему великодушию и снисхождению.

Можете ли вы думать, сударь, что при всем этом я не сумею распорядиться своим временем? Но, зная, что каждый знак неуважения ко мне, если мне будет дано счастье называться вашей супругой, будет в какой-то мере знаком неуважения к вам, я попрошу вас, сударь, разрешить мне носить самый скромный убор; и даже не опасайся я излишней скромностью своего наряда уронить достоинство вашего знатного имени, я совсем не стала бы наряжаться, ибо я хорошо знаю, сударь, что ничто так не возбуждает зависти женщин, как вид особы, превосходящей их красотой и роскошью наряда. А излишнее щегольство, несомненно, призовет на мою голову бесчисленные прозвища: «гордячка», «низкородная тварь» и бог весть какие еще оскорблении».

Тут я остановилась, ибо и без того уже много наболтала, а он сказал, прижимая меня к сердцу: «Почему замолчала моя дорогая Памела, почему она не продолжает? Я мог бы упиваться твоими словами целый день. Ты будешь хозяйкой своих развлечений и своего времени — столь прекрасное употребление ты намерена ему дать, и твоя примерная добродетель искупит мои проступки, испросив для меня прощение всевышнего».

«Ах, — продолжал он, — сколько радости доставляешь ты мне этим сладостным предвкушением моего счастья; теперь я не страшусь дерзких хулителей — я открою им твои совершенства и мое счастье, прежде чем они своими неправедными устами осмелятся судить мои поступки и твои достоинства, и позволь мне сказать тебе, моя Памела, что я предвкушаю еще более сладостные наслаждения, о которых твоя робкая стыдливость не позволила тебе упомянуть; я и сам не затрагивал этот предмет, опасаясь тем умалить чистоту твоих намерений в глазах твоей невинности; я хочу сказать, что ко всем пере-

численным тобой занятиям я надеюсь присоединить еще одно, которое должно будет увековечить мое счастье и вместе с ним мой род, коего я сейчас являюсь единственным представителем».

Я почувствовала, как запылали мои щеки, и все же не могла сердиться на пристойную и любезную манеру, в которой он выразил свои отдаленные надежды, и ах! судите сами, какое действие эти речи возымели на мое сердце.

Правоучительный семейно-бытовой роман написан в виде писем служанки Памелы Эндрюс, адресованных ее родителям в деревню. Сюжет романа крайне прост: после смерти хозяйки — богатой леди Б. — Памелу начинает преследовать сын леди — молодой помещик Б. Однако Памела, прекрасная и добродетельная, стойко противится всем соблазнам, которые искуситель коварно расставляет на ее пути. Она мужественно выносит оскорблений и угрозы, отвергает гнусные советы пособников и сводников. В конце концов молодой лорд Б. устыдился своего поведения, в сердце его вспыхнула истинная любовь, он женился на Памеле.

Демократические убеждения, склонность к реализму позволили Ричардсону поднять жанр романа на новую ступень. Новаторство писателя заключалось в том, что он сделал своей героиней служанку, которую противопоставил знатным и развращенным дамам света, подчеркнув ее нравственное пре-восходство, красоту и моральную чистоту. Новыми были и поэтизация быта, детальный показ реальных отношений между слугами и господами, нравов помещичьей среды и крестьянства. Этим Ричардсон наносил решающий удар по галантно-прециозному роману XVII в. — жанру дворянской литературы, сюжет которого строился на исключительных и чудесных событиях. Ричардсон писал, что он «надеется отвлечь молодежь от увлечения сказочным и чудесным в поэзии». Ричардсон также отвергает и авторов авантюрно-плутовского романа, снисходительно относившихся к аморальным поступкам своих героев. Героиня Ричардсона нравственна.

Образ Памелы, — идеализированный образ девушки-пуританки. Однако он был гимном во славу чистоты и стойкости человека из низов и имел большое прогрессивное значение для эпохи подготовки антифеодальной революции во Франции и борьбы с пережитками феодализма в самой Англии. Демократизм Ричардсона в сочетании с умелым показом малейших движений души приводил в восторг даже такие выдающиеся умы того времени, как Дидро и Лессинг.

Вместе с тем в «Памеле» оказались и консервативные черты мировоззрения Ричардсона: проповедь классового компромисса, непонимание коренной противоположности интересов людей труда и богачей-эксплуататоров, призыв к религиозному смирению и т. д. Выйдя замуж за своего гонителя, Памела держит себя благородно-униженно, умаляет свое человеческое достоинство, которое отстаивала ранее с такой непреклонной решимостью.

Выше приводится отрывок из романа.

¹ Абрагам — молодой слуга сквайра Б.

² Джон — старый лакей покойной миссис Б., матери сквайра Б.

³ Робин — кучер сквайра Б.

⁴ Дейверс Б. — сестра сквайра Б., решительно воспротивившаяся его браку с Памелой.

⁵ Джервис — экономка покойной леди Б.; Лонгман — ее дворецкий; Джонатан — кастелян. Все они составили

тайный заговор против Памелы, за что впоследствии и были уволены сквайром Б.

⁶ Гибла — волшебница, повелительница пчел, цветов, сна, мастерица делать чудодейственные напитки.

⁷ Декокт — прохладительный или целебный напиток из настоя ягод, меда и пряностей.

Кларисса, или История молодой леди

(«Clarissa, or, the History of a young Lady»,
1747–1748)

Письмо 185

Ловлас к его другу Белфорду

19 мая, пятница.

Когда я столь чистосердечно тебе открылся, то я прямо объявил, что главное мое намерение состоит единственно в том, дабы испытать молодую девицу на таком основании: если ее добродетель тверда, то ей нечего опасаться, по крайней мере пока я с нею; но при этом я никак не ожидал потока досадных нравоучительных писем от тебя. Мне ненавистно насилие, я намерен дать ей в дальнейшем наслаждаться свободной жизнью, которая так мила и моему сердцу.

Я так же, как и ты, склонен думать, что ближе к старости стану разумнее и, подобно тебе, буду везде говорить, что «в своевольных наших намерениях» нет ничего «кроме тщеславия, дурачества и сумасбродства». Но значит ли это, что уже теперь я «должен прежде всего быть разумен?» Да я ни за что на свете не соглашусь упустить из моих рук мою несравненную девицу.

Ты не в состоянии представить себе и половину ее очарования и прелести. Тиран-отец проклинает ее теперь только за то, что она нашла силы лишить его власти над собой и не позволила выдать себя замуж за постылого.

Этот поступок возбуждает мою симпатию. И все же я не могу устоять перед соблазном еще раз испытать ее добродетель, а потом... вознаградить ее. Ты без конца повторяешь одну и ту же мысль, что пока эта милая девушка находится в моих сетях, она не будет в силах устоять против моего «опыта». Поэтому ты исполнен тревоги за ее добродетель.

Ты зашел так далеко, что называешь меня орудием подлого Джеймса Гарлоу!¹¹ При встрече я намереваюсь поругать тебя хорошенько за это. А пока, если тебе этого уж так хочется, ты можешь считать все, что тебе будет угодно! Однако будущее покажет, каков будет жребий его и милой его сестренки.

Не вооружайся против меня своей излюбленной чувствительностью, которая заставляет тебя обвинять друга в жестокосердии, подумай лучше о том, что ты никогда бы не узнал

С. Ричардсон
«Кларисса, или История молодой леди»

об этой истории, если бы я был действительно низким человеком и скрыл ее от тебя.

«Бросить тень на такую сияющую добродетель!» — смеешь ты меня упрекать. Несносное суесловие! Но ты идешь дальше этого, присовокупляя, что и непорочнейшая добродетель и честное имя могут быть омрачены теми, кто не почитает чести и издается над торжественными клятвами и обязательствами. Но какой была бы та добродетель, которую можно было бы омрачить без обязательств? Не весь ли свет наполнен этими обманчивыми приятностями?

В веках любовные обязательства считали за шутку. Впрочем, не составляют ли предосторожности против вероломства нашего пола необходимую часть воспитания женщины?

Мое намерение состоит в том, чтобы победить самого себя. Но я хочу сперва попытаться победить прекрасную Клариссу. Я уже писал тебе, что это необыкновенная девушка и что сила ее сопротивления воспламеняет меня как никогда я не воспламнялся раньше! Если тебе посчастливится найти в какой-нибудь женщине хотя бы половину ее достоинств, то наверняка ты тотчас же пожелаешь жениться. И в добрый час, женись, Белфорд! Итак, разве можно оскорбить, тем более опозорить девицу, если она совершенство добродетели и постоянно противится своему искусителю? <...>

«Кларисса, или История молодой леди» — лучшее произведение Ричардсона. Эпистолярный роман в 6-ти томах. Автор ставил себе довольно ограниченную задачу: показать «важнейшие вопросы частной жизни», в особенности вопросы, связанные с браком (тирания родственников и родителей, необдуманные, опрометчивые поступки детей). Однако реалистические тенденции одержали верх над назидательно-пуританскими, религиозно-нравоучительными мотивами творческого метода писателя. Ричардсон сумел возвыситься не только до развенчания пороков аристократии, но и до правдивого показа бесчеловечности, алчности и зависти буржуза. Героиня романа — Кларисса Гарлоу была, по словам автора, «рождена для счастья», ибо имела большое счастье, унаследованное от деда, от природы получила ясный ум, красоту, твердый характер, обаяние, которому невольно поддавались окружающие. Однако она становится жертвой злобных мещан — своих родственников, которые завидуют полученному ею наследству, их раздражает ее молодость, независимость, искренность.

Ричардсон выступает как предшественник критических реалистов XIX в., рисуя картину деспотизма и домостроевского гнета, царящих в буржуазных семьях. Ничтожный, недалекий брат Клариссы Джеймс, ненавидящий со школьных лет блестательного и удачливого Ловласа, ее старшая сестра Арабелла, ревнующая Клариссу, дядя, самодур-отец, говорившийся, обвиняют ее в «безнравственности», они гнусно клевещут, утверждая, что она состоит в непозволительной связи с Ловласом. Чтобы спасти честь семьи, родственники решают выдать Клариссу замуж за корыстного богача Сомса, который ей ненавистен. Подробно описывается изощренная жестокость брата и сестры, самодовольное чванство и самодурство дяди и отца. Доведенная до предела отчаяния, Кларисса бежит из родного дома с человеком, которому не верит и которого боится, хотя в то же время он и симпатичен ей. Ловлас обещает девушке свою помощь, покровительство, но вместо этого помещает ее тайком в публичный дом, где, встретив со стороны Клариссы реши-

тельный отпор своим домогательствам, прибегает к гнусной хитрости: усыпляет Клариссу с помощью снотворного зелья, насилият ее, а затем покидает, оставив во власти хозяйки притона, которая отказывается выпустить Клариссу на волю и угрожает ей полицией.

Вырвавшись все же из публичного дома, Кларисса, одинокая, покинутая друзьями и проклятая своей семьей, медленно угасает. Она с презрением отвергает предложение раскаявшегося Ловласа вступить с ним в брак, гордо заявляя, что не может быть женой насильника. Таким образом, если в «Памеле» мы встречаем идеализированные характеры и видим картину буржуазного процветания, то в «Клариссе» показано калечащее, уродующее воздействие денег на человеческие отношения, здесь впервые в истории английской литературы мы встречаемся с показом гибели и распада семейных отношений под действием «голого чистогана».

Выше приводится отрывок из романа.

¹ Джеймс Гарлоу — брат Клариссы, жестоко преследовавший ее.

История сэра Чарльза Грандисона

(«The History of Sir Charles Grandison:
in a Series of Letters publised
from the Originals by the Editor of Pamela
and Clarissa», 1753—1754)

Предисловие

Издатель нижеследующих писем с удовольствием отмечает, что, издавая сию книгу, он заканчивает осуществление плана, который он очень желал, но не надеялся завершить.

Первое собрание писем, изданное им под заглавием «Памела», содержало изображение красоты и превосходства добродетели в простой и невинной душе, а также награды, которые провидение часто в этой жизни дарует добродетели. Молодая девушка низкого звания рассказывает своим честным родителям о жестоких испытаниях, коим она подверглась со стороны господина, которому следовало бы ограждать, — а не нападать на ее честь, и в чьем лице было представлено во всем своем отвратительном виде распутство. Однако сей распутник, благодаря добрым основаниям, заложенным в него в ранние годы его превосходной матерью, благодаря его страсти к добродетельной женщине, а также благодаря чудесному примеру и неутомимому терпению той, которая впоследствии стала его женою, — после некоторого времени исправился.

Второе собрание писем, выпущенное под названием «Кларисса», давало изображение более печальных событий. Богатая молодая девушка, рожденная для счастливых надежд, вовлечена в целый ряд злоключений, которые ведут ее к преждевременной смерти; здесь родители предостерегались от того, чтобы

навязывать свою волю детям в самом важном вопросе жизни; а детям делалось предостережение не доверяться увереньям людей, лишенных правил добродетели. Однако героиня, будучи именно христианской героиней, с честью проходит через испытания; ее всегда полная совершенств душа становится под их влиянием еще более утонченной и возвышенной, и она с радостью наблюдает приближение вечного блаженства. Ее жестокий мучитель повержен и терпит разочарование, даже несмотря на то, что он может похвалиться успехом своих гнусных махинаций. И все же (распаляемый самомнением и тщеславием) каждый раз, после краткого сознания своей вины, он продолжает идти тем же путем, все более и более ожесточая свою душу, пока, не исправившись даже после ряда серьезных и неоднократных предостережений, он не гибнет позорно в расцвете жизни и сходит в могилу терзаемый сознанием своей вины, угрызениями совести и страхом. Хочется думать, что его письма преподадут много полезных уроков легкомысленным людям, предостерегая их от злоупотребления умом и молодостью, богатством и положением, а также всеми другими внешними качествами, которые могут стать проклятием как для их злосчастных обладателей, так и для тех, кто их окружает.

На этом издатель предполагает остановиться как в силу слабого состояния здоровья, так и по причине других дел, требовавших его обязательного внимания. Однако некоторые его друзья, уверенные в том, что он обладает необходимым материалом, стали настаивать на том, чтобы он показал читателям образ и действия человека, обладающего подлинным благородством.

Он оказался в состоянии выполнить желание друзей и завершить свой первоначальный план; таким образом, он теперь представляет читателям в лице сэра Чарльза Грандисона пример человека, действующего единообразно во всех случаях жизни, ибо все его поступки определяются твердыми принципами: это человек верующий и добродетельный, подвижный и смелый, обладающий всеми совершенствами и чрезвычайно приятный, удовлетворенный собой и делающий счастливыми других.

Из вышесказанного должно быть ясно, что настоящее собрание издается, точно так же как и два предыдущих, вовсе не с целью дать только развлечение. Автор имеет в виду более благородную цель. Тем не менее можно надеяться, что разнообразие характеров и разговоров, встречающихся в большой переписке, которая заключена в этих томах, послужит не только для наставления, но и для развлечения читателей, тем более что большая часть писем написана молодыми женщинами, обладающими хорошим образованием и живым умом.

Размер настоящего собрания определяется характером интим-

ных писем, писавшихся в момент, когда сердца были взволнованы надеждой или страхом по поводу событий, еще не нашедших своего завершения. Простой рассказ о событиях и людях, в них участвующих, можно было бы изложить гораздо короче, но разве это было бы столь же интересно? По счастью, мы имеем рассказ о юношеских годах главного героя, изложенный в повествовательной форме в нескольких письмах. Однако все не необходимые письма были опущены. После того как сэр Чарльз Грандисон вступил в действие, нет ни одного эпизода, ни одного письма, которое не служило бы цели осветить основную идею. Будем надеяться, что письма, предшествующие вступлению его в действие, не будут сочтены излишними, поскольку, они имеют целью познакомить читателя с лицами, чья судьба теснейшим образом связана с судьбою сэра Чарльза.

Письмо 32

От мисс Байрон к мисс Сельби

Понедельник, 20 февраля.

<...> «Ваша судьба решена!» — сказал сэр Харгрейв¹.

В это же время вошла служанка с плащом в руках и пронептала ему что-то на ухо, на что он ответил: «Отлично!...». Когда служанка вышла, он взял плащ и подошел ко мне. Я вздрогнула, задрожала и готова была упасть в обморок. Но я ухватилась за ручку кресла.

«Ваша судьба решена, мадам, — повторил злодей. — Вот, оденьте это... Не вздумайте только снова падать в обморок... Надевайте!»

«Умоляю вас, сэр Харгрейв».

«Послушайте меня, мисс Байрон: то, что не свершилось здесь, свершится в другом более безопасном месте, и все произойдет, как я того хочу. Наденьте это, говорю вам. Ваша уступчивость может пойти вам на пользу!»

«Где дамы?.. Где...»

«Отправились на покой... Джон, Франк», — позвал он.

Вошло двое слуг.

«Умоляю, сэр Харгрейв... Боже, защити меня... Умоляю, сэр Харгрейв... Где дамы?.. Помоги мне, о боже!»

Затем, побежав к двери, которую заслонял слуга, я сказала: «Пропустите меня», — но он не пропустил и только поклонился.

Я стала громко кричать от страха. <...>

Сэр Харгрейв подсадил меня в карету.

Вокруг нее было несколько людей на конях. Мне почудилось, будто один из них был Вильсон; так и оказалось. Сэр Хар-

рейв сказал этому человеку: «Вы знаете, что говорить тем, кто будет любопытствовать». И он вошел в карету.

Я закричала. «Кричи, моя любезная», — сказал он грубо и стал — о ничтожество! — передразнивать меня, подражая блеянию овцы (разве у вас не явилось бы желание убить его, Люси?). Затем, устроившись поудобней, он торжествующе сказал: «Теперь мисс Байрон в моих руках!»

Все же я продолжала кричать о помощи; тогда он закрыл мне рот рукой, говоря, что не причинит мне вреда, и всякое такое; но его бесчеловечная грубость заставила меня закусить губы. А возница ударил кнутом, и лошади умчали Вашу бедную Гарриет.

Письмо 33

От мисс Байрон к мисс Сельби. — Продолжение предыдущего

Вскоре после того как тронулась карета, когда мы проезжали мимо домов, я попробовала закричать. Но под предлогом, будто я могу простудиться, он завязал мне все лицо платком, закрыв мне рот, а также еще раньше закутал меня в пальто; затем он взял обе мои руки своей левой рукой, в то время как правой рукой он обхватил меня за талию и крепко держал на сидении; таким образом, только делая отчаянные движения головой, я могла немного стянуть платок, а то иначе я совсем не могла бы видеть. <...>

После краткой остановки сэр Харгрейв и мисс Байрон продолжают путь.

Он снова укутал меня и завязал платок вокруг головы и рта. Я была недвижима.

Проехав несколько минут по неровной и грязной дороге, карета выехала на главный путь и вдруг остановилась из-за спора между нашим возницей и кучером другой кареты, которая, как оказалось после, была запряжена шестеркой...

Сэр Харгрейв выглянулся из кареты, чтобы узнать причину остановки. Я воспользовалась этим и освободила одну руку.

Я услышала, как чей-то мужской голос приказывал уступить дорогу.

Тогда свободной рукой я сорвала платок, прикрывавший мне рот, и закричала о помощи: «Помогите, ради бога!»

Мужской голос (как оказалось впоследствии, то был голос моего спасителя) угрожал кучеру сэра Харгрейва, если он, не остановится.

Сэр Харгрейв с ужасными проклятиями и ругательствами приказал своему кучеру ехать дальше, несмотря ни на какие препятствия.

Тогда незнакомый джентльмен назвал сэра Харгрейва по имени и обвинил его в дурном умысле.

Негодяй отвечал, что он везет сбежавшую с маскарада жену, которая намеревалась скрыться с своим любовником (какой ужас!), и он раскрыл на мне пальто, чтобы показать мой наряд.

Я закричала и пять или шесть раз повторила: «Нет, нет, нет!» Не будучи в силах сказать ни слова больше, я только протянула обе мои освобожденные руки, умоляя о защите.

Злодей хотел снова укутать меня и завязать рот платком... Он ужасно бранился.

Однако джентльмен не удовлетворился объяснениями сэра Харгрейва. Он пожелал говорить со мной. Сэр Харгрейв обозвал его наглецом и всякими другими бранными именами и с злобным презрением спросил: «Кто вы такой, черт возьми!» Однако джентльмен с видом, сулившим мне освобождение, спросил меня, жена ли я сэра Харгрейва.

Я могла только сказать: «Нет, нет, нет, нет».

Он осмотрелся кругом, велел слуге назвать сэру Харгрейву свое имя, а затем снова подошел ко мне.

Отчасти из страха, отчасти от слабости я упала на дно его экипажа. Он открыл дверцу, вошел и с нежностью брата успокоил меня и приподнял на сиденье. Он приказал своему кучеру возвратиться в Кольнбрук. Голосом, исполненным мягкости, он сказал мне, что там находится в настоящее время его добродетельная и мудрая сестра, на чье попечение он меня передаст перед тем, как продолжать свой путь в город.

Сколько непреодолимо приятной показалась мне его поддерживающая рука, которой он обнял меня, когда мы мчались обратно, по сравнению с рукой этого мерзкого сэра Харгрейва. <...>

Я написала длинное, длинное письмо, или точнее пять писем, описывая мое похищение и освобождение; когда я снова обрету силу, я расскажу дальше о личности и характере этого замечательного человека и его сестры. <...>

Письмо 36

От мисс Байрон к мисс Сельби

Пятница, 24 февраля.

Гарриет Байрон описывает семейство Грандисонов.

<...> Сэр Чарльз Грандисон по внешности действительно очень красивый мужчина. Он обладает высоким ростом, скорее худощав, чем полон; его лицо имеет приятную овальную

форму; судя по виду, он обладает цветущим здоровьем, которое поддерживает упражнениями.

Комплекция его по природе слишком утонченна для мужчины: однако, как будто в противоречие с этим, его лицо покрыто мужественным загаром (мне не хватает подходящего слова), который показывает, что он бывал и в более теплых странах, чем Англия; так как путешествие по Европе не удовлетворило его, то он посетил некоторые части Азии и даже Африки, в частности Египет.

Я представляю себе, как бы гордился какой-нибудь тщеславный мужчина, если бы он обладал такими прекрасными зубами и красивым ртом, какими может похвальиться сэр Чарльз Грандисон.

В его внешности есть что-то значительное и благородное, сразу показывающее его принадлежность к знати. Если бы королей выбирали за красоту и величественную внешность, то у сэра Чарльза Грандисона было бы мало соперников. Его глаза — да, моя Люси, его глаза сверкают еще большим умом, если это только возможно, чем глаза его сестры.

Успокойся, пожалуйста, мой дорогой дядя Сельби! Что значит для меня мужская красота? Я никогда не считала, что красота определяет человека.

Его величественность, однако, сопровождается такой простотой и свободой в обращении, что он легко завоевывает любовь и уважение. Благодаря его хорошему воспитанию с ним легко подружиться. Его сестра говорит, что он всегда первый преступает те условности, которые сковывают людей при первом знакомстве. Ему нетрудно это делать, ибо он-то может быть уверен, что будет хорошо принят, что бы он ни сказал, как бы ни поступил.

Обладая здравомыслием, он лишен недовольства и угрюмости; он никогда не станет спорить с людьми по пустякам; но он также никогда не уступит в том, что может принести ущерб его чести или совести. Однако мисс Грандисон, говоря о своем брате, сказала: «Те, кто знают моего брата, ценят его не столько за его красоту, не столько за знатность и богатство, не столько за то или иное хорошее качество, сколько за то, что он в самом глубоком и полном смысле слова является хорошим человеком». <...>

Роман написан с целью исправить впечатление (неприятное для аристократических покровителей писателя), которое оставил о себе Ловлас. В противоположность гонителю Клариссы, Ричардсон создает образ идеального мужа и гражданина — сэра Чарльза Грандисона. Однако голая идеализация была причиной малой художественности этого образа и равнодушния публики к нему. Если перед выходом очередного тома «Клариссы» к Ричардсону заезжали поутру министры, чтобы рассказать королевской семье о дальнейших переживаниях бедной девушки, то Грандисон оставил всех равнодушными. А. С. Пушкин впоследствии писал в «Евгении Онегине», что

«...бесподобный Грандисон... наводит сон». Единственным жизненным образом в романе была артистка Клементина, безнадежно влюбленная в героя (женившегося на добродетельной и плаксивой мисс Байрон). Роман «Грандисон» ознаменовал начало заката славы Ричардсона.

Желание утвердить существующий несправедливый порядок вещей вредило реализму Ричардсона, открывало дорогу нудной дидактике и нравоучению, заполняло роман томительными длиннотами.

Выше приводится отрывок из романа.

¹ Сквайр Харгрейв Поликсфен — персонаж романа. Влюбившись в великосветскую девицу мисс Гарриет Байрон, он похищает ее, привозит к себе и вызывает священника, чтобы совер-

шить брачный обряд. Но мисс Байрон падает в обморок. Священник удаляется. Приведя в чувство Гарриет Байрон, Харгрейв силой усаживает ее в карету и везет венчаться в церковь.